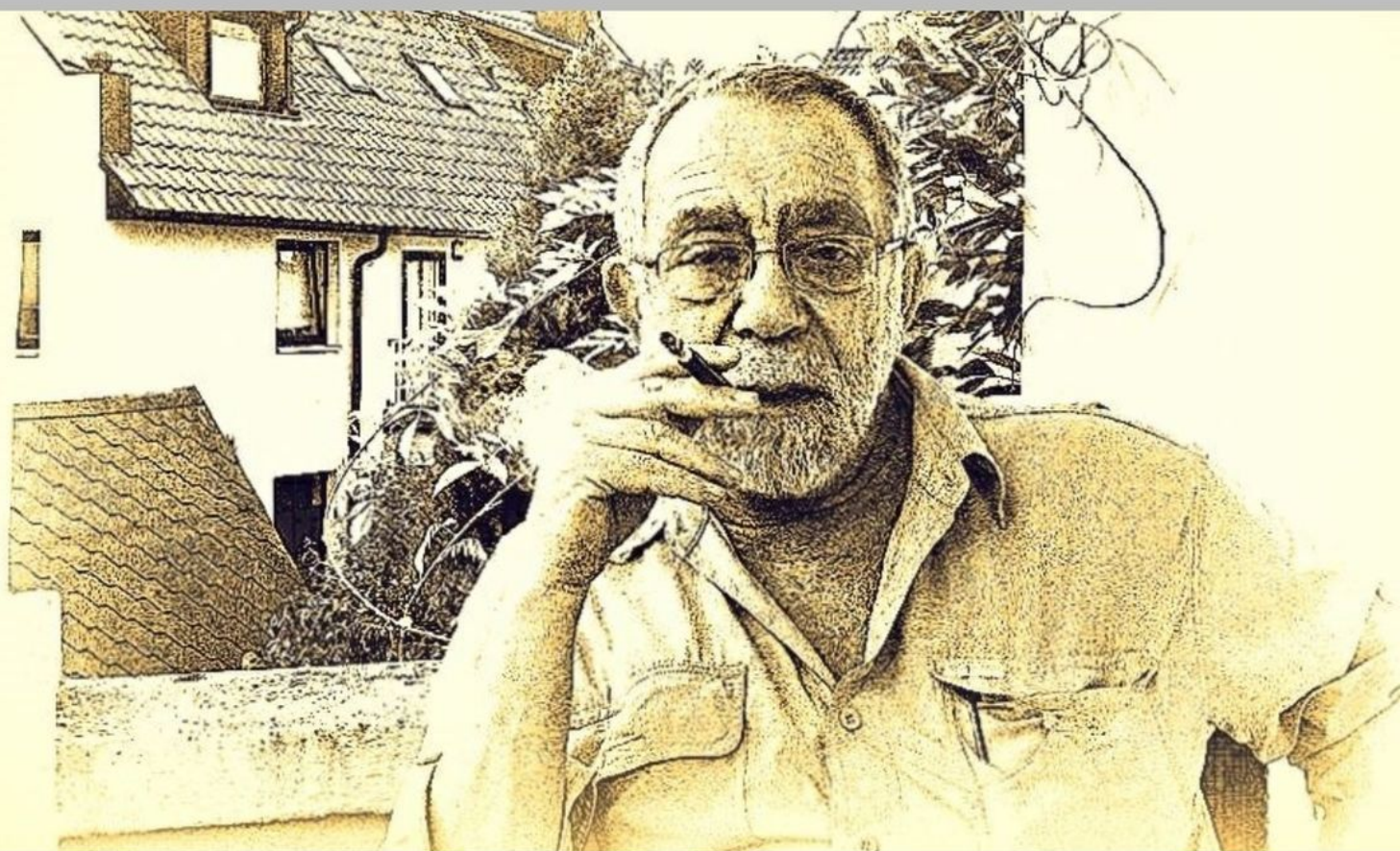

Виктор Каган

НОВОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО

Верлибры

Виктор Каган

Новое несовершенство. Верлибры

«Издательские решения»

Каган В.

Новое несовершенство. Верлибры / В. Каган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837957-4

Автор книги — психолог. Его профессию и поэзию объединяет язык. Его верлибры — свободное языковое пространство, в котором свободно встречаются телесность и дух, временность и вечность, физика и метафизика, проза и поэзия жизни.

ISBN 978-5-44-837957-4

© Каган В.
© Издательские решения

Содержание

«Верлибр, говорят, это просто проза...»	6
«Река есть отражение небес...»	8
«Осколки геометрии любви...»	9
Ева	10
«Душа со временем черствеет, словно хлеб...»	13
«На асфальте распластано мёртвое время ...»	15
«Живущий под сенью Твоей ладони...»	17
«Для психиатра его жизнь ...»	18
«Почему, – говорил он, – написано...»	19
«звезда бейт-লেখема...»	21
«Улицы города Глупова...»	22
«Пальцем в воздухе...»	24
Перелицовка	25
«смерть...»	27
«Этот камень даже в жару...»	28
«Прости меня...»	29
«Лениво лениться...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Новое несовершенство Верлибры

Виктор Каган

Фотограф Ольга Пановко

© Виктор Каган, 2018

ISBN 978-5-4483-7957-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Верлибр, говорят, это просто проза...»

*От жажды умираю над ручьём.
Франсуа Вийон*

Верлибр, говорят, это просто проза,
неровно нарезанная на ломтики строк,
неловкий изыск не умеющих рифмовать
и паковать слова в пакетики метрик и ритмов,
так что каждый журден,
лишь вчера открывший,
что он говорит прозой,
и наугад тычущий в клавишу enter
начинает казаться себе поэтом.
Ладно, я же не спорю.
Я открываю Библию,
где воля рифмуется с жизнью,
молитва – с дыханием,
дыхание – с пульсом мысли,
где волны смиренной страсти
стремятся к берегу гнева
и лижут золотой песок прощенья
ласковыми языками,
где песнь возникает из песни,
где чистота стиха
белее любой белизны,
которая не разлагается на семь цветов,
где птица скользит по тайне
между крылом и каплей земного шара
в усталой ладони бога.
В начале была не словесность,
а слово, рождённое из
косноязычных вибраций верлибра
между створками связок,
как жемчуг между невзрачных створок моллюска,
как дух между сложенных вместе ладоней.
А вы говорите – проза.
Ну что ж, говорите,
рифмуйте под стук метронома,
кайфуйте в дыму филологий,
но не пропустите,
не прозевайте,
не упустите,
свободы,
мающейся в клетках классификаций,
как муза на ложе Прокруста.
Уста несводимы к губам,

потрескавшимся от жажды
над родником верлибра.
А вы говорите – проза...

«Река есть отражение небес...»

Река есть отражение небес,
в конце пути впадающее в море,
как жизнь в конце концов впадает в смерть,
не прекращая своего течения
и не давая дважды войти в неё.
Сидя на небесном берегу,
пересыпаю мысли, как песок,
следуя за поплавком и рыбьим плеском,
за отраженьем человеческих фигурок
в пространстве проплывающего неба
и узнаю себя в одной из них,
и парус облака меня уносит в море,
а на тепле примятой мной травы,
своим теплом притягивая солнце,
мой сын перебирает в пальцах вечность.

«Осколки геометрии любви...»

Осколки геометрии любви
уже не ранят душу,
не тревожат,
не вызывают в памяти ту ложь,
которая была превыше истин
и столько заставляла говорить
прекрасных слов —
мороз по коже,
на самом деле бывших
лишь художественным свистом.
Попробуешь теперь,
а с губ слетают
простые незатейливые звуки,
обычные слова,
слова и только.
Прошло шальное время токованья,
перетолковыванья тела на язык
судьбы,
предназначения,
поруки.
Пришла пора принять
скупой язык неброского старанья,
когда ладонь срастается с лотком
и жизнь через песок минут струится,
неспешно намывая день за днём,
крупницу за крупницей,
за граном гран
всё то, о чём себе так вдохновенно лгал.
А от заката тянет духом пряным,
и молча тянутся распахнутые руки
над океаном времени.

Ева

Говорят, что на том свете будет тем меньше мучений,
чем больше принял на этом.
Может быть, это и правда.
А может быть – нет.
Оттуда ещё никто не вернулся.

Два года назад, когда ей шёл девяносто четвёртый,
она сказала: «Вы за меня молитесь плохо —
я зажила, мне давно пора умереть,
а я зачем-то живу».
Я сказал, что буду молиться лучше,
но не знаю, когда начинать —
прямо сейчас или подождать месяцев пять,
чтобы она могла поддержать на руках
будущего праправнука.
Она подумала, взглянула на меня:
«Вы хитрый»
и добавила:
«Не беда, если бог меня подождёт немножко.
Как вы думаете?».
Она дождалась праправнука и держала его на руках.
Здоровый мальчонка.
Можно было начинать молиться.
Но впереди был брис, потом дни рождения детей,
не огорчать же их своей смертью,
а потом она как-то сказала,
что уж и 94 отметит с детьми,
а потом...
А потом
время стало размывать её,
как река размывает берег.
Недавно сказавшая мне, по-девичьи краснея:
«Знаете, доктор, это удивительно, но душа не стареет»,
всегда выглядевшая так,
будто гости уже на пороге замка —
её половины комнаты в доме престарелых,
теперь она встречала меня то в халате, то лёжа в постели,
то позабыв надеть зубные протезы работы покойного мужа,
узнавала, что сегодня четверг, лишь по моему приходу,
её русский всё реже перемежался певучим идиш,
а её девочки – одной хорошо под, другой за семьдесят,
которых она вырастила одна
под колыбельный грохот войны,
в самом начале убившей их отца,
за которого вышла в шестнадцать,

предпочитали ещё думать, что мама просто не хочет.
Поэтому о жизни и смерти
она говорила только со мной.
Пусть бы, она говорила, бог услышал меня, нивроко,
и не мучал – за что меня мучать так долго?
Если бы вы меня правда любили,
то помогли б умереть».
Неужто, спрашивал я,
вы хотите с того света видеть меня в тюрьме?»
Нет, отвечала она, но больше я *так* не хочу».

Однажды пришёл, а она в коме.
Подумал, что бог услышал её просьбы
и хочет забрать во сне.
Богу богово, а медицине удалось её откачать.
Правда, глаза стали плóхи.
Теперь её дом – постель.
Её девочки приезжают с бульоном,
всё уже понимая,
но – должны же мы делать хоть что-то...
Я приезжаю по четвергам.
Она витает во сне между этим миром и тем.
Беру за руку, что-то говорю или просто молчу.
Она открывает глаза:
«Это вы? Значит, сегодня четверг.
Я знала, что вы придёте».
Она уже не зовёт смерть,
ибо спит с ней в обнимку.
Она говорит мне об этом.
И я, чтоб не сорить словами,
поглаживаю её руку,
а она жалеет детей,
которые так устали
возиться с её затянувшейся жизнью,
и сама она тоже устала.
И наступает четверг,
и я прихожу снова.
Пока прихожу...
А она всё дальше и дальше.
И голос всё тише и тише.
Кораблик её души уплывает туда,
где за горизонтом
океан этой жизни впадает в небесные веси
и растворяется в них.

Её муж незадолго до смерти сказал ей:
«Не волнуйся,
если на том свете мне будет плохо,
я возвращусь».

Но он пока не вернулся...

«Душа со временем черствеет, словно хлеб...»

Душа со временем черствеет, словно хлеб,
стучит в суме ветшающего тела.
Уж сколько стрел Амура об неё
сломалось – ни царапины на ней.
Какие зубы искрошились в пыль!
Какие пули сплющились в лепёшку!
А помнишь, как была она свежа
и корочка хрустящая дышала,
а мякоть пахла и ласкала губы?
Она была отзывчивее эха,
в ней набухала счастливо слеза
и грелся вечерами ум холодный.
Она не уставала удивляться
простым вещам и торопилась жить,
и чувствовать спешила,
и умирала, чтобы через миг
в лицо смеяться смерти,
которой нет.
Где это всё теперь?
Душа черства.
Пронять её ничто уже не может —
ни горе,
ни восторг,
ни нежность,
ни печаль.
Какой ты стал сухарь,
какой сухарь...
Но не спеши оплакивать её.
Бывало, хлеб не донести до дома,
отколупнёшь чуть-чуть – буханки нет,
а как – ты даже не успел заметить,
и снова сводит голодом живот.
Зато сухарь жуётся долго-долго,
чем дальше, тем вкусней.
На языке
тончайшие оттенки зерна,
скрипенья жерновов,
опары,
печного духа,
материнских рук,
босого детства,
завтрака с любимой.
Чем дальше, тем вкусней.
Чем ближе горизонт,
тем больше

любишь чёрствый хлеб и сухари.

«На асфальте распластано мёртвое время ...»

На асфальте распластано мёртвое время —
кто-то выбросил будто окурок или котёнка в окно,
не само же оно прыгнуло с тринадцатого этажа,
отчаявшись быть хоть немного нужным тому,
кто второй час толчётся с мобильником на балконе,
щекоча уши кому-то за тридевять улиц.
Солнце начинает садиться.

Ражий мужик
спешит за бутылкой, наступая на рыжие листья
и с маху вминая во время каблук.

Сердитая тётка
волочёт домой упирающегося огольца,
«Обормот, – кричит, – всё бы тебе носиться,
а время не ждёт, пора за уроки!»
и наступает на время стоптанным тапком.
Подкатывает мерсюк, вылезает деловитый мэн,
долго топчется на времени,
стирая с капота следы пролетевшей пичуги
и матеря всё, что летает,
скрывается в пасти подъезда.

Никто и не замечает, что время лежит под ногами.
Только дремавший на скамейке старик,
хрустя скелетом,
поднимается,
ковыляет к нему,
нагибается,
хочет поднять —
время ему пригодится,
сам не знает, на что,
но не пропадать же добру,
да и жалко,
больно же времени,
можно выходить, всё же не так пусто
будет в давно опустевшей квартире,
говорит:

«Не бойся, я не обижу»,
протягивает руку...

Гоняющий мяч конопатый шкет
с размаху лупит ногой по времени
и оно улетает,
будто тряпичная кукла, в помойку.

Старик, чуть не плача, шепчет:

«Ну что же ты, мальчик?»,

а тот:

«Дедушка, что вы?! Подумаешь,

есть о чём плакать, часик какой-то,
времени, вы посмотрите, навалом».
Солнце устало садится на пустыре за домом.

«Живущий под сенью Твоей ладони...»

Из цикла «Читая псалмы Давида» Псалом 90

Живущий под сенью Твоей ладони,
уповающий на Тебя,
ничего у Тебя не просящий,
озарённый Страхом Твоим,
говорю Тебе:
«Господи,
Ты дал мне время и путь
моей непутёвой жизни
и в любое время
на любом из моих путей
отведёшь от меня всё,
что не данные от Тебя
Время и Путь.
Ты не заплатишь золотом
за то, что я возлюбил Тебя,
но проведёшь меня
через всё, что я должен пройти,
чтобы моё упование на Тебя стало мною.
Огонь будет жечь и не сожжёт.
Вода будет топить и прибьёт к берегу.
Ветер будет валить с ног и вынесет в нужное место.
Если я перестану быть упованием на Тебя,
ангелы Твои охранят меня от меня,
мои молитвы – от суесловия
и мой храм – от роскоши.
Храмом моим будет любое место,
с которого Ты слышишь меня,
и мои упования на Тебя
помогают Тебе быть
Всевидающим,
Всезнающим,
Всемогущим,
Вездесущим.
Мой Бог, на которого я уповаю,
которого ни о чём не прошу,
ибо Ты знаешь мой Путь,
а пути я выбираю сам
из тех, что составляют Путь,
который назначил Ты,
Ты ведь слышишь меня, Господи?

«Для психиатра его жизнь ...»

Из цикла «Хасидим»: Нахман из Брацлава

Для психиатра его жизнь —
история болезни, написанная самой жизнью
простыми словами без многомудрой латыни.
Для стремящегося к постижению Б-га —
путь постижения со всеми его испытаниями.
С самого детства он был необычным ребёнком.
Одни покручивали пальцем у виска —
мол, мишугинер, что с него взять.
Другие видели в нём отмеченность святости.
Два века назад точно так же,
как сотни веков до того,
как есть сегодня и как будет всегда,
он соединял в себе то и другое,
не будучи ни тем, ни другим,
но будучи тем и другим вместе.
Он мыслил парадоксами,
наполняя ими здравый смысл
и придавая ему смысл откровения,
играющего в прятки со здравым смыслом.
Он слышал, как растёт трава.
Его голос тонкой тишины
разлетался по миру,
оставаясь неслышным для рядом стоящих.
Его танец оставался невидимым
для держащих его за руку.
Вы можете прокрутить пальцем
дырку в виске,
отвергая всю эту чушь,
но опровергнуть, если бы захотел,
смог бы лишь Б-г.
Однако...

«Почему, – говорил он, – написано...»

Из цикла «Хасидим»: Менахем-Мендл из Коцка

«Почему, – говорил он, – написано
положите Мои слова на сердце ваше?
Почему не в сердце?
Истина должна быть,
как мезуза на дверном косяке,
как повязанный на руку тфилин,
как положенный на сердце камень,
ибо лишь в редкие моменты
открывается сердце,
и если слова Истины лежат на нём,
она в этот миг может проникнуть в сердце
и раствориться в бытии человека,
изменяя его.
Эмес.
Собираясь молиться, подумай —
ты молишься по привычке,
потому, что так надо,
чтобы выглядеть лучше в чьих-то глазах
и кто знает почему ещё,
или ты хочешь молиться потому,
что ты действительно
душой и сердцем
хочешь молиться?
Неважно, в какое время ты прочтёшь молитву
и сколько будешь готовиться к ней.
Ты можешь готовиться к ней всю субботу
и прочитать её за пять минут —
это правильнее, чем вовремя
целый час
бросать в небо
пустые скорлупки слов».

Его любили,
но дрожали перед ним,
как перед Истиной,
как Моисей перед Б-гом,
когда Б-г показал ему силу Истины.
К нему тянулись.
Но и лучшие из лучших его учеников
не могли дотянуться до той высоты,
которой он требовал от себя, как от других,
и от других, как от себя.
Он понял, что задача оказалась выше него,

и заперся от людей.
А жизнь продолжалась.
И в ней
белое исчезало во тьме черноты,
перетекающей в белизну,
всё превращалось в ничто,
рождающее всё,
и, чтобы выбраться из леса,
приходилось углубляться в чашу.
Прямой дороги к Истине не было тогда,
нет её и сегодня.
Дороги тела пропитаны кровью,
дороги души извилисты и запутанны,
но путь духа остаётся прямым.
И чем больше блуждаешь,
тем больше понимаешь,
что Истина не может вместиться
в чьё-то одно сердце.
И голос Менахема-Мендла
напоминает тебе об этом:
«Не заносись, не сори именем Б-га,
но положи слова Его на сердце
и не давай сердцу окаменеть,
чтобы оно могло открываться Истине,
ибо это и делает жизнь жизнью».

«Звезда бейт-লেখема...»

звезда бейт-লেখема
небесный отблеск ханукальных свеч
реб йешуа
так любивший жизнь
что счёл её
достойной жертвой отцу
дети которого
не сходясь за одним столом
тысячелетьями гибнут в одном огне
с его именем на устах

не спрашивай отца
почему в этом мире что-то не так
спроси себя
ибо
что-то не так с тобой

«Улицы города Глупова...»

Улицы города Глупова
забиты пробками машин,
как бутылки ростовского шампанского,
которое не открыть без клещей.
В поисках чего б пожевать
солнце садится на свалке.
Голова соседа в метро падает мне на плечо,
хочу стряхнуть,
но не удержать свою.
Кризис дошёл до дна
и пускает пузыри,
они разрываются в небе
трескучим шуршанием
праздничных фейерверков
в честь величия города,
на которое всем наплевать,
но весело и красиво.
Внешний враг окружает город снаружи,
внутренний – изнутри,
наполняя патриотизмом
речи политиков,
преня застолий
и потасовки во всемирной сети.
Пирожок бронепоезда начинён стрип-баром.
Дырка от бублика надувается шаром.
Из шара выходит деловитый Герасим
в костюме с бабочкой и кроссовках,
деловито тащит скулящий мешок к пруду,
оглядываясь в поисках камня,
садится на берегу,
закуривает сигаретку
и наблюдает за каким-то Гоголем,
который, путаясь в длинном плаще,
топит кошку,
отгоняя её палкой от берега
и колотя по башке,
чтоб сократить мученья —
всё-таки божья тварь.
Чуть поодаль под дубом
кто-то копает яму,
что-то в неё опускает,
засыпает землёй,
утаптывает,
прилаживает табличку,
долго стоит перед ней на коленях,

встаёт,
отряхивает колени,
уходит, потерянно семеня,
то и дело оглядываясь
и наконец растворяясь
в мельканьи огней и мельтешеньи фигур.
Герасим подходит к табличке,
читает:
«У попа была собака,
он её любил,
она съела кусок мяса,
он её убил,
в землю закопал
и надпись написал,
что у попа была собака,
он её любил...»
и думает,
не завести ли собаку?
Что скажете, Михаил Евграфыч?
Тот поднимает глаза:
«Нифигасе,
какой я тебе Евграфыч!?».
«Очень приятно,
будем знакомы —
Герасим»,
пинает мешок в воду
и они отправляются
в поисках третьего
по улицам Глупова,
забитым пробками,
будто уши бога.

«Пальцем в воздухе...»

Пальцем в воздухе,
карандашом на бумаге,
углем на белой стене,
мелом на чёрной
соедини Северный полюс и Южный
и точку восхода с точкой заката.
Получится окно, в котором
четыре времени года
плывут по экрану неба
пока продолжается жизнь
во влажной глазной плёнке.
Получится прицельная рамка,
в которой ты выберешь место,
чтобы поставить точку
на выдохе или вдохе
не твоего дыхания.
Получится крест, с которого
бог смотрит глазами распятого сына
с другой стороны рамки
в окошко твоей души
и окликает тебя,
а ты не слышишь,
играя со смертью
в крестики-нолики.

Перелицовка

В белом венчике из роз...

А. Блок

«С марксистской точки зрения, —
говорил он и поднимал палец, —
с единственно верной марксистской точки...»
и нёс заученный бред,
безбожно перевирая слова и фразы,
встраивая противоположности в классовую борьбу,
клея оппортунизм единства
и утверждая отрицание отрицания
как высшую форму согласия
с колебаниями руководящей линии,
а жизнь — как форму существования тел
с революционным сверканьем белков,
рвущихся из орбит в светлое будущее.
Он как пришелец из этого будущего
знал его наизусть до мельчайших деталей.
И оно наступило с точностью до наоборот,
чуть позже, чем должен был наступить
во взятой отдельно стране коммунизм,
но много раньше, чем ожидалось,
и приказало:
«Вперёд назад».
«Я?» —
спросил растерянно он.
«Ты, ты» —
сказало оно.
И он устремился
назад вперёд
и вперёд назад.
Библия, которую он не читал,
как до того не читал «Капитал»,
стала настольной книгой и прижимает бумаги.
Он отпустил бороду,
седина её даже красит.
Классики марксизма-ленинизма
висят теперь в красном углу,
где пахнет лампадным маслом,
а над его головой в кабинете
единый в трёх лицах из строгой дубовой рамы
напоминает входящим о бренности жизни
и верности мать её диалектики.
Он стал действительным членом
академии нравственной безопасности,

читает лекции, пишет книги
и сладострастно ставит ставших своими
продажных девок империализма,
имена которых даются ему с трудом,
раком на службу великому делу
возрождения славы и мощи когда-то великой империи,
навещает мощи в центре её столицы
и окрестных монастырях,
счастлив, как прежде,
и говорит, опрокинув стаканчик,
поднимая палец и воздымая очи:
«Он всё видит, всё знает, всё по его воле,
иначе как бы так выходило,
что люди хотят как лучше, а получается как всегда?»,
держит глубокомысленно паузу и заключает:
«Его учение верно,
потому что оно вечно»,
хрустит огурцом и наливает по новой.
«Ну ты и фрукт» —
говорю восхищённо.
Он отвечает:
«Неверно ты понимаешь момент.
Дьявол искушает душу твою.
Но ты пей, не тушуйся,
может, поймёшь, что фрукт это ты,
созрешь и опадёшь,
мягкой тебе посадки,
а мы, вечные овощи,
вечны».

«смерть...»

смерть
сказал дон хуан
всегда у тебя за левым плечом
советуйся с ней как жить
ну ты даёшь дядя ваня
выдумал тоже советоваться со смертью
рассмеялся я
и на всякий случай оглянулся
старухи с косой там не было
но чем чёрт не шутит
трижды сплюнул через левое плечо
когда я пришёл в себя
дон хуан сидел рядом и набивал косячок
что случилось
спросил я его
ничего
улыбнулся он
ты просто попытался войти в закрытую дверь
и она раскололась
я и подумать не мог
что ты такой твердолобый

«Этот камень даже в жару...»

Этот камень даже в жару
омыт залетейской прохладой.
Три жизни под ним
превратились в траву.
Каждый год
она пробивает корку земли,
тянется к небу
и каждый год возвращается в землю,
становится новой травой
и снова тянется к небу,
словно хочет пробиться
сквозь небеса в занебесье,
и шепчет ушедшим душам
простые слова —
помню,
люблю.
Я их слышу.
А сверху —
ждём,
любим,
помним,
но не спешим.
Солёно щекочет в горле,
дожди поднимаются в небо,
душа по шуршащим струйкам
торопится ввысь,
а тело
скулит одинокой собакой,
окликающей свою душу
в изножьи
зелёной кровати,
где спят и уже не проснутся
те, кто стали травой.

«Прости меня...»

Прости меня,
господи,
но
я не умею молиться.
Сколько ни гляжу
в бездонные воды небес,
а не могу представить тебя
скорой помощью,
МЧС,
джинном в бутылке,
колесом фортуны в поле чудес
посреди страны дураков,
клоуном или певцом
в концерте по заявкам твоих творений.
Я сам
исполнитель своих желаний,
хозяин своих стремлений,
жертва своих грехов,
промашек,
ошибок,
благоглупостей, мостящих дорогу в ад,
и победитель в своих сраженьях,
ибо
ты дал мне свободу
выбирать мой собственный путь
и отвечать за него.
А ты,
сотворивший весь этот мир
и позволивший мне появиться в нём,
ты – наблюдатель,
глядящий снаружи
на дело воли и рук твоих
и ждущий
что я —
внутренний наблюдатель —
откликнусь,
прежде чем сброшу
одежды земного тела,
чтобы предстать пред тобой.
Давай же
просто побудем вместе,
поговорим,
помолчим,
расскажем
ты мне,

как тебе там живётся
в пространствах моей души,
а я тебе,
что происходит снаружи.
Ты соглашаешься,
наши дыханья
одним дыханьем колышут
шёпот листвы и свет оплывающей свечки,
и это и есть молитва.

«Лениво лениться...»

...но был солдат бумажный...

Б. Окуджава

Лениво лениться
под шорох дождей,
перемывающих кости
годам и погодам,
и смотреть, как по водам потопа
отпущенный тобой хлеб
жадно клюют
буревестники,
взлетая с борта ковчега,
сея следы насыщения
под видом
разумного, доброго, вечного
и посылая подальше Ноя.
Титаник ковчега,
не утонув, доплывёт
до вершин,
зияющих в будущем,
где Ноя поставят к стенке,
ковчег подлатают,
скрестят с паровой машиной,
пароход загудит философски,
отдаст концы
и понесёт не отдавших концы пингвинов
в непроглядность туманов,
а родину,
пустившую тебя, как царицу с сыном
по морю в сельдью пропахшей бочке,
будут клевать,
убивая друг друга,
разжиревшие буревестники,
бесы на крыльях кожанок,
драконы,
против которых ты выйдешь
не Ланселотом с мечом и в доспехах,
а Дон Кихотом
с пёрышком тонким в руке
и хрупким щитом
из листа белой бумаги.
И победишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.